

УДК 321.01:342.4

НА ПУТИ К НРАВСТВЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОМ ОБЩЕСТВЕ БЕЗ ГОСУДАРСТВА

Бабурин Сергей Николаевич,

*д-р юрид. наук, профессор, гл. науч. сотрудник; профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
e-mail: 1357343@mail.ru,*

*Институт государства и права РАН, г. Москва,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва*

В статье рассмотрены политические и правовые проекты построения общества без государства, начиная от идей утопического социализма и до классиков анархизма. Анализируется как вопрос отрицания анархизмом во имя свободы социальной полезности государства, так и различные пути, предлагавшиеся революционерами, избавления от государства. Потерпев поражение в годы «военного коммунизма», идеи общества без государства нашли новое воплощение в доктрине джамахирии, предложенной М. Каддафи. Аргументируется необходимость преобразования современного государства в нравственное государство.

Ключевые слова: государство, нравственное государство, справедливое общество, свобода, анархизм, утопический социализм, джамахирия, народ

ON THE DAY TO THE MORAL STATE: WINNER ABOUT THE WORLD FREE STATE

Baburin S.N.,

*doctor of Law, professor, chief research officer; professor,
distinguished fellow of science of the Russian Federation,
e-mail: 1357343@mail.ru,*

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Witte Moscow University, Moscow*

The article considers political and legal projects of building a society without a state, ranging from the ideas of utopian socialism to the classics of anarchism. The question of the denial of social utility in the name of freedom by anarchism of the state and the various ways proposed by the revolutionaries to get rid of the state are analyzed. Having been defeated during the years of “military communism” the ideas of a society without a state have found a new embodiment in the doctrine of the Jamahiriya proposed by M. Gaddafi. The need to transform the modern state into a moral state is argued.

Keywords: state, moral state, just society, Freedom, anarchism, utopian socialism, Jamahiriya, people

DOI 10.21777/2587-9472-2020-1-20-28

Развитие современных государств подошло к этапу перехода политико-правовых систем к слиянию с духовно-нравственными ценностями, к формированию нравственного государства [2; 21, с. 73–83]. Без такой эволюции государства останутся бездушным механизмом обеспечения эгоистических интересов национальных обществ, что грозит человечеству перерождением, а то и гибелью. Но перед определением основных черт и характерных признаков нравственного государства важно оценить исторический опыт человеческих духовно-политических исканий идеального общества и моделирования общества без государства.

В эпоху «военного коммунизма» 1918–1920 годов в Советской России большевики и их политические союзники попытались на практике построить общество без государства, но ведь их практическому социальному эксперименту предшествовали теоретические интеллектуальные поиски социального идеала.

Утопии древности, как и более поздних периодов, не дают нам образцов нравственного государства, сосредотачивая внимание читателя на политических и социальных технологиях, на социально-

экономических моделях организации жизни. И всё же отдельные черты **идеальных представлений о сочетании власти и нравственности** порой можно выделить. Особенно, если принять за исходную позицию, что в нравственном государстве реализуется возможность понимать добро как правду, то есть «как единственный правый, верный путь жизни во всём и до конца» [22, с. 3]. Всякое государство представляет собой своего рода общение свободных людей, организуемое ради какого-либо блага, был уверен Аристотель [1, с. 23, 186].

В городах-государствах Древности такая консолидация формировалась на Агоре или Форуме, многие поколения людей жили, воспринимая своего монарха отцом нации, вокруг которого только и возможно единение. Не случайно Аристотель, приветствуя политику как нечто среднее между демократией и олигархией, размышлял над наилучшим государственным устройством как смешением всех государственных устройств [1, с. 107].

Из внутренней потребности народов родились Земские соборы на Руси, Генеральные штаты во Франции, плебисциты и референдумы. Менялись эпохи, менялись народы, менялось само содержание понятия «народ». В эпоху Великой Французской революции 1789–1799 годов из состава народа убрали вначале аристократов, потом духовенство. Народом стало «третье сословие» – буржуазия, платившая (в отличие от двух предыдущих сословий) налоги. Но уже с первых шагов властвования промышленной и аграрной буржуазии её благополучие покоилось на несправедливости наемных рабочих, прежде всего пролетариата.

Из века в век недостатки существующих государств подвергались критике наиболее динамичной частью общества, со временем увидевшей идеал нового социального быта в социализме и коммунизме.

В «Утопии» Т. Мора К. Каутский особенно обращает внимание на «благороднейшую и почти исключительную» деятельность ежегодно переизбираемых должностных лиц, состоящую в постоянном наблюдении, чтобы никто не предавался лени и чтобы все деятельно трудились [12, с. 276]. Работать сверхурочно – право и принесение пользы государству [19, с. 185]. Утопийцы считают верхом несправедливости сковывать человека железными законами, слишком обширными для того, чтобы была возможность их прочесть, и иногда слишком туманными, чтобы их понять [12, с. 277].

Вслед за Т. Мором впоследствии и утопический коммунист Т. Дезами объявит главной целью законов функцию констатировать, координировать, санкционировать, стимулировать, оживлять, оплодотворять развитие промышленности, искусств и наук, причём сам закон, по его убеждению, также «не сможет быть ни туманным, ни тёмным, ни сомнительным, ни двусмысленным, ни эластичным, ни гадательным, ни всемогущим. Обладая силой творить добро, закон будет бессилён причинять зло» [7, с. 395].

Фактическое отрицание государства у Т. Мора крайне просто и поверхностно: адвокатов нет, поскольку, когда каждый сам защищает своё дело, «получается меньше двусмысленности и путаницы, легче обнаруживается истина»; доводы каждой стороны «взвешиваются судьёй на основании здравого смысла и понимания дела; он защищает откровенность прямого человека от лживых уверений обманщика»; законы «созданы исключительно для той цели, чтобы каждый знал свои права и обязанности» [19, с. 278]. Ни одно общество на таких началах не могло бы существовать сколь-нибудь продолжительное время, только на вымышленном Острове. Тем более, что тот же Ш. Фурье целью трудов указывал богатство, «да и счастье, которого не получили бы от одного лишь богатства и которое состоит в полном развитии страстей» [26, с. 112].

Потому и не заключают утопийцы договоров с соседними странами, так как знают, что святость их договоров чтут только до тех пор, пока это выгодно. Утопийцы надеются только на самих себя и на экономическую зависимость от них их соседей. Схожая ситуация с Икарией, общество которой построено на основе самого полного равенства, на достижение которого нацелены и все законы [10].

У Э. Кабэ речь идёт уже официально о республике, в которой суверенный народ (нация) осуществляет власть непосредственно сам (в том числе одобрять или отвергать акты своих избранных, отправлять правосудие, поддерживать порядок и общественное спокойствие), а часть функций власти передает народному представительству (полномочия выработать конституцию и законы) и исполнительному органу (следить за выполнением законов) [10, с. 149, 150]. Достаточно серьёзно затронута нравственная сторона осуществления власти, от воззвания Икара к христианам с призывом проповедовать нравственность и справедливость, следовать заветам Иисуса Христа, до его призывов к великоду-

тию народа и отмене смертной казни. Народ регулярно опрашивается по важнейшим вопросам жизни и политического устройства [10, с. 76–88]. В конечном счёте, мы видим социальный проект при самом поверхностном отношении к институтам государства.

Т. Дезами, французский теоретик социализма и коммунизма, в своём проекте коммунистического будущего уделил внимание государственным институтам, полагая коммуну, основанную на равенстве, естественной базой и типом как социального, так и политического единства [7, с. 391]. Его социальное здание зиждется на Основных законах, которые, в отличие от конституционных законов, имеющих всегда временный характер, вечны и неизменны, поскольку возникли раньше любого политического строя и более совершенны, ибо исходят от самой природы [7, с. 83]. К вечным законам природы и разума Т. Дезами отнес социальное равенство и абсолютную общность. «Все, кто пользуется общественными продуктами, должен, стало быть, участвовать в труде». Подчиняясь законам природы и полностью осуществляя принцип ассоциации, «мы должны начать с превращения земли и всех продуктов в одно крупное, единое общественное владение» [7, с. 84, 85, 90].

При строе общности, по мнению Т. Дезами, не будет политической и обыкновенной полиции, поскольку не будет больше ни тайных обществ, злоумышлений, заговоров, ни повреждений, опустошений, ссор, ночного шума, кровопролитных драк, как не будет подделки, мошенничества, контрабанды, краж и других нарушений закона, не будет безнравственности. Почему? Просто исчезнет. Государство для французского утописта – это лишь собрание коммун, «но собрание гармоничное и разумное». «Нигде не будет ни малейшего элемента подчиненности или превосходства, пассивности или господства». Политические, административные, законодательные и исполнительные власти будут меньше всего заниматься происками, спорить, ревновать, посягать на общее богатство и свободу. Все избранные представители закона будут выполнять свои функции точно, усердно, разумно. Законодатель и администратор будут вдвойне подчинены – Основному закону и общественному разуму просвещенного народа [7, с. 394, 395].

Примеры можно продолжить «Городом Солнца» Т. Кампанеллы, проектами Дж. Уинстенли, Г. Мабли, Г. Бабёфа, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, Н.Г. Чернышевского, Сунь Ятсена, но не в примерах суть. Иногда и сами великие мечтатели признавали трудность «представить себе средство, при помощи которого общественное сознание освоилось бы с социальным порядком, признаваемым справедливым и полезным людьми нравственными» [9, с. 348]. Утопические модели организации общества, при всех их различиях, задали главный вектор в оценке роли идеального государства – оно должно обеспечивать счастье и благополучие населения, его осмысленную достойную жизнь. Именно в недрах утопического социализма стала вызревать идея, что общество для своего благополучия должно избавиться от государства.

Русская литература, разделившись внутри, что формально отразилось в размежевании славянофилов и западников, расколола традиционное русское общество. Часть его попыталась сохранить старину в первозданной чистоте, оборонительно уповая на то, что Православие должно «сделать всё для успокоения и образумления людей, и для устранения того, что приводит в деморализующий ужас» [23, с. 10]. Другая под влиянием И.С. Тургенева, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова и, особенно, Н.Г. Чернышевского, толкнула общественное сознание к нигилизму. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» стал эпохальным рубежом трансформации русского духа в его лучших стремлениях к справедливости. Для русской молодежи того времени, уверял позже идеолог анархизма П.А. Кропоткин, роман Чернышевского (Кропоткин называет его повестью) был «своего рода откровением и превратился в программу», стал «знаменем для русской молодёжи» [13, с. 547, 548]. Стремление к лучшей жизни было соотнесено с насильственным разрушением традиционных устоев. А тут ещё и русские литературные классики. «Главная и едва ли не единственная причина отсутствия свободы – лжеучение о необходимости государства, – писал на склоне лет Л.Н. Толстой. – Люди могут быть лишены свободы и при отсутствии государства. Но при принадлежности людей к государству не может быть свободы» [25, с. 214].

Социальная солидарность общества стала разрушаться обострением классовых противоречий. Среди других рецептов разрешения противоречий появилась и идея отказаться от услуг государства. М.А. Бакунин подчеркнул, что вне экономического социального равенства свобода, справедливость, человеческое достоинство, нравственность и благосостояние отдельных лиц, как и процветание целых

наций, есть ложь [4, с. 251]. Великий русский революционер призвал положить конец государству как системе организации, основанной на насилии.

Анархизм как теория революционных перемен. Среди теоретиков анархизма выделялись У. Годвин, П.-Ж. Прудон, М.А. Бакунин, Э. Реклю, П.Л. Лавров, П.А. Кропоткин, Ж. Грав, В. Тукер и другие. Социальная революция в представлении теоретиков анархизма должна предоставить полную свободу массам, группам, коммунаам, ассоциациям, отдельным индивидам, уничтожив раз и навсегда «историческую причину всяческого насилия – самоё существование государства, падение которого увлечёт за собой все несправедливости юридического права и всю ложь различных культов» [4, с. 258]. Только с ликвидацией государства, были они убеждены, человечество получит свободу.

Идеи анархизма появились в Западной Европе, но наибольшую проработку, научную основательность, а потом и экспериментальную возможность получили в России. Рождённый в Европе анархизм был совершенно явно не знаком с азиатским принципом, который в индуизме, например, воплощается в наблюдении, что достичь личного освобождения человеку можно, избавившись от таких качеств, как вожделение, гнев, недозволенные желания, алчность и иллюзии [6, с. 417].

При жесточайших спорах К. Маркса и М.А. Бакунина, марксистов и анархистов, многие мировоззренческие идеи для них были общими. Анархия покоится на солидарности, она есть синоним социализма, утверждал Э. Малатеста. «Анархия – это строй общества без правительства... Наши представители не будут облечены властью и правом издавать для нас законы, они будут выборными из наиболее способных и будут обязаны только исполнять волю народа» [17, с. 43, 44].

И на конгрессе федералистов Первого Интернационала говорилось о возможности представить государство «неавторитарным», затем стали изображать государство будущего как «свободную группировку на экономических началах», управляемую «разными видами общественной службы сообразно вотированным законам», а то и отрицающей государство [15, с. 19]. Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство, подчеркивал М.А. Бакунин: «Государство без рабства, открытого или маскированного, невысказано – вот почему мы враги государства» [5, с. 216]. Сторонники анархии отвергали всякое законодательство, всякий авторитет и всякое «привилегированное, патентованное, официальное и законное влияние», если оно даже опиралось на всеобщую избирательную систему, потому что были убеждены, что оно принесет выгоду господствующему меньшинству, пользующемуся в ущерб интересам громадного, поработанного большинства. Анархия была войною с государственной властью.

М.А. Бакунин очень точно отмечал, что «никому, ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития» [5, с. 248]. Он называл главную черту русского народного идеала – «убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему её своим потом и оплодотворяющему её собственноручным трудом», второй чертой указывая принадлежность права пользования землёй «не лицу, а целой общине, миру, разделяющему её временно между лицами». Вот вывод из этого М.А. Бакунин делал весьма спорный, видя в общине коренную вражду государству [5, с. 250, 251]. Отсюда и пришлось великому русскому революционеру придумывать три черты, искажающие, по его мнению, характер народа: патриархальность, поглощение лица миром, веру в царя, с добавлением к ним затем и православия [5, с. 251, 252]. Под якобы искажениями русского народного характера, названными им историческим злом, Бакунин не заметил его главнейшие черты, без которых русский человек перестает быть русским. Народный характер в любой стране требует развития, а не ломки.

Анархическая революционная программа включала у М.А. Бакунина уничтожение государств как единственный способ примирения народов между собой. Вместе с государством подлежало уничтожению «всё, что называется юридическим правом, всякое устройство сверху вниз путем законодательства и правительства, устройства никогда не имевшего другой цели, кроме установления и систематизирования народного труда в пользу управляющих классов». Организация же народной жизни должна строиться путем «свободной федерации отдельных лиц в ассоциации или в независимые общины или, помимо общин и всяких областных и национальных разграничений, в великие однородные ассоциации, связанные тождественностью их интересов и социальных стремлений и общин в нации, наций в человечество» [5, с. 265].

Теоретические построения Бакунина его современник, русский революционер П.Н. Ткачев, например, обоснованно считал построенными на неверных исторических посылах, а то и при ребяческом смешении понятий [24, с. 180]. За анархистским призывом к уничтожению государства он ещё в XIX веке обоснованно указал на государственную форму проектируемой анархистами федерации с выборщиками от общин, с кучей всевозможных «независимых друг от друга» министерств [24, с. 194].

Видный российский теоретик анархизма второй половины XIX века П.Л. Лавров по моде того времени был дарвинистом, убежденным, что именно «органическая эволюция выработала человека» [16, с. 133]. Для П.Л. Лаврова государство было специальной формой общества, выросшей из самостоятельности и солидарности его членов и составляющей принадлежность особенного исторического периода жизни человечества [14, с. 80; 15, с. 20]. Само же общество, по его мнению, началось «лишь там, где особь, способная уже сказать себе “я”, сказала также “мы” во имя привычки, во имя интереса, во имя аффекта или во имя убеждения» [14, с. 90]. Именно поэтому для него общество есть «единство личностей, во имя ли интересов, во имя ли привычек, во имя ли фантастических верований, во имя ли, наконец, осознанной общности целей развития, нравственных целей. Оно ищет осуществить это единство в форме родового союза, экономического союза, сектаторского союза, культурного союза, государственного союза» [15, с. 20, 21].

Примечательно, что при отрицании государства анархизм высоко оценивал роль нравственности. «Лишь нравственное единство личностей, – подчеркивал П.Л. Лавров, – может дать союз прочный, потому что лишь в нравственном единстве есть ручательство согласия деятельности личностей и общности их целей» [15, с. 21].

Государство для сторонников анархии является необходимым элементом общества на многих исторических этапах его развития, но при переходе к социализму («рабочему социализму») государственный элемент общества может быть устранен [15, с. 236]. Государство, по их мнению, как закон, как администрация, как суд, само по себе никогда не имело смысла, этот смысл ему придавался господствующей формой связующей общественной культуры. Государство во всех своих органах и функциях было не более чем средством достижения общественной цели [15, с. 237, 238]. Далее для блага народа надобность в нем отпадает.

П.Л. Лавров, правда, в своём выводе был осторожен. Он подчеркнул, что государственный элемент в обществе не может исчезнуть накануне социальной революции и даже на другой день после неё. «Он может исчезнуть лишь в тот период, когда солидарность общего труда в свободных союзах охватит всё общество» [15, с. 243]. Для революционеров этого направления было очевидно, что анархизм выступает высшим этапом социалистической революции, двигающейся по направлению к свободному коммунизму, когда материальное обеспечение существования всех членов общества, достигаемое первым актом социальной революции, достигается «не при помощи государства, а совершенно вне его, помимо его вмешательства» [13, с. 225].

Для анархистов «весь современный социализм вышел из недр самого народа», его основные воззрения «вышли из работы народного ума, из рабочих масс» [13, с. 51]. Современное им общество, были они уверены, «должно и может быть пересоздано сверху донизу» [13, с. 53, 58]. Анархист отрицает не только существующие законы, но всякую установленную власть вообще. Он восстает против всякой власти, в какой бы форме она ни проявлялась.

Анархисты приветствовали беспорядок как восстание народа против отвратительного порядка, как восстание мысли накануне революции и появление целого потока новых идей и смелых открытий. Они называли беспорядком эпохи, в течение которых целые поколения ведут неустанную борьбу и жертвуют собою, чтобы подготовить человечеству лучшее будущее, избавив его от рабства прошлого [13, с. 61].

Отрицая необходимость революции, анархические идеи решительно поддержал Л.Н. Толстой: «Государство – учреждение временное и должно исчезнуть... Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым заставляют людей подчиняться насильно» [25, с. 221, 228].

Одного разрушения старых порядков недостаточно, подчёркивал П.А. Кропоткин, нужно уметь и созидать. Народ оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал об этом созидании. Революция, по его мнению, требует пробуждения духа народного почину, творческой народной мысли в деле построения нового здания. И начинать надо с распределения, «с корм-

ления всех, с устройства всех в порядочное жильё» [13, с. 238, 245–247]. Только вольные Коммуны, освобожденные от власти государства и вводящие по своему усмотрению какие угодно учреждения, были для П.А. Кропоткина и других последователей анархических принципов организации общества способом избавления от старого, капиталистического строя. Выше Коммуны могла быть только Федерация, создаваемая соглашением Коммун между собой. Каждая Коммуна будет организована на принципе самоуправления и коммунистического согласия, будет революционна в вопросах производства и товарообмена. Корень всех бед – существование частной собственности, эксплуатирующей наемный труд – будет устранен коммунистическим строем жизни, т.е. пользованием сообща наличными богатствами [13, с. 62–72].

Отрицая государство, анархисты простодушно грезили о федерациях вольных общин, которые при решении повседневных задач переплетаются сами по себе в ещё более крупные союзы, захватывающие всё новые области, даже те, которые раньше считались святынею святых Государства. Только вольные общества, соединяющиеся в свободные союзы, должны были заниматься вопросами литературы и искусства, науки и образования, торговли и промышленности, путешествиями, забавами, гигиеной, музеями и даже военной защитой, помощью раненым, защитой от разбоев и воровства, и «даже от судебных преследований» [13, с. 71].

Среди сторонников анархии был уникальный исторический деятель, воплотивший в себе и теоретическое осмысление учения, и практику его применения в жизни. Это был Н.И. Махно. Он рассматривал анархическое общество как анархический коммунизм, глобальное общество общечеловеческой гармонии, утверждал, что анархизм есть свободная жизнь и независимое творчество человека, а с социально-политической стороны – это «свободное, безвластное общество, свобода, равенство и солидарность в жизни его сочленов... Отсюда родится коммунизм» [18, с. 534, 546]. Любая власть для Махно и его сторонников, будь то буржуазная, социалистическая, власть коммунистов-большевиков, имеет одну природу – «убивать свободу человека, превращать его духовно в раба, физически же в лакея для себя и всех своих, чёрных по отношению здоровой жизни человека дел» [18, с. 545].

Государство для сторонников анархии было абсолютным злом, врагом, подлежащим безоговорочному уничтожению. Оно олицетворялось «союзом пяти»: собственника, воина, судьи, священника и прислуживающей им той части науки, которая, «извращая истинную сущность естественных законов природы человека, основываясь на “исторических законах” и правовых нормах, нормах, написанных искусной рукой за деньги и для преступных целей» [18, с. 547]. Как иначе, без государства, организовывать жизнь общества, не было предметом размышлений революционеров. Предполагалось наличие неких свободных союзов-общин, производственно-потребительских кооперативов, объединенных вольными советами.

После совершения в России Великой социалистической революции 1917 года большевики и их союзники, прежде всего анархисты и левые эсеры, попытались построить общество без государства. Этот период называется годами «военного коммунизма». Принципы того времени были реалистично зафиксированы даже первой советской конституцией¹. Однако социальный эксперимент, распространенный на территорию огромной страны, целой цивилизации, полностью игнорировавший духовно-нравственные традиционные ценности русского общества, оказался неудачным [20, с. 16–28]. Строительство советского социалистического общества пошло иным путем.

Тем не менее, мечты об обществе без государства продолжали будоражить умы романтиков и социальных мечтателей, а иной раз и пытались воплотиться в политическую практику. Таким относительно целостным и успешным социальным проектом была Ливийская джамахирия М. Каддафи.

«Государство – это искусственное политическое, экономическое, а иногда и военное устройство, никак не связанное с понятием человечества и не имеющее к нему никакого отношения» [11, с. 87], – утверждал лидер Ливийской революции XX века М. Каддафи. По его убеждению, главная политическая проблема человеческого общества – это проблема орудия власти. Ни парламенты, ни партии, ни

¹ Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm> (дата обращения: 06.04.2020).

классы не могут обеспечить полноту власти народа. Сам факт существования парламента означает, по его мнению, власть без народа и попрание суверенной воли народа. Партия же – это диктаторское орудие правления, позволяющее сторонникам какой-то одной точки зрения или лицам, объединенным каким-то одним интересом, править всем народом. Да и классовая политическая система подобна партийной, племенной или клановой системе, её база нестабильна [11, с. 5–30].

Попытки удовлетворить интересы масс путем избрания их представителей или выяснения их мнения при помощи референдума, и повторение подобных попыток – пустая трата человеческого времени и насмешка над людьми, был убеждён М. Каддафи [11, с. 26]. Вместо присущих традиционному государству органов власти он предложил систему народных конгрессов и народных комитетов.

Все существующие ныне в мире системы правления недемократичны, проповедовал М. Каддафи, единственным средством осуществления народной демократии являются народные конгрессы. Ливийский лидер очерчивал структуру народных конгрессов, близкую существовавшим в СССР системе Съездов Советов. Вплоть до Всеобщего народного конгресса, на который собираются руководящие органы народных конгрессов, народных комитетов. В СССР это был Съезд Советов СССР.

Отвергая традиционные органы государственной власти, М. Каддафи особо выделил проблему Закона общества, подчеркнув, что Конституция является не Законом общества, а установленным человеком законом, опирающимся на воззрения господствующих в мире диктаторских орудий правления, начиная от личности и заканчивая партиями. Вполне в духе Ф. Лассалья М. Каддафи утверждал, что конституции лишь волюнтаристские порождения орудия правления, призванные служить его интересам [11, с. 39, 40].

Демократия в джамахирийском варианте означает, что народ непосредственно осуществляет власть без какого-либо посредничества или представительства, оригинальным практическим образом – через народные собрания и народные комитеты. «Без народных собраний нет демократии» [8, с. 29]. Свобода же понимается как единое, неделимое целое, производное от одного-единственного корня: освобождение власти, передача её полностью народу, который сам непосредственно будет распоряжаться ею [8, с. 31].

Важным элементом системы М. Каддафи была джамахиризация – процесс постоянной ротации членов джамахирийского общества, которые занимали различные посты в зависимости от профессии и ремесла, на производстве, в обороне страны и внутренней безопасности. Это делалось с целью уничтожения монополизма и эксплуатации, а также ради удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Практическое значение процесса джамахиризации заключалось в овладении одним человеком и применении им на практике нескольких профессий и ремёсел.

Единственно правильным законом любого общества, в джамахирийской доктрине, являются обычаи и религии или и то, и другое вместе. Любая попытка найти для общества другой закон вне этих двух источников объявлялась несостоятельной и нелогичной [8, с. 71]. Закон общества как отражение естественной жизни народов ещё со времени до появления государства, понимался в Джамахирии как непрерывная нить, пронизывающая человеческую цивилизацию. Он не нуждался в формулировании или написании, «потому что это бессмертное человеческое наследие, а не собственность только ныне живущих» [8, с. 71, 72]. Конституция же отражает лишь настроения и взгляды субъектов власти. Истинный закон любого общества, т.е. обычаи и религия, является важным и основным источником законов, издаваемых в обществе.

Все члены джамахирийского общества несли общую ответственность за увеличение производства, за оборону и безопасность страны, образование, за развитие других профессий и ремёсел.

Модель народовластия, предложенная М. Каддафи, была важным достижением политико-правовой мысли XX века. Она учитывала как арабские национальные архетипы, культурно-историческую ситуацию на юге Средиземноморья, так и во многом вбирала в себя социальные ценности традиционного общества разных народов [3, с. 5–14]. Однако ливийский национальный проект был насильственно прерван.

Творческий поиск справедливого общества, как и практика государственного строительства последних 45 лет приводят нас к пониманию необходимости конституирования духовно-нравственных ценностей общества и построения на этой основе нравственного государства.

Полтора столетия назад Б.Н. Чичерин сделал вывод, что государство – организм духовный, который имеет свою специальную природу и свои свойства [27, с. 6]. Сегодня мы утверждаем, что госу-

дарство не просто духовный организм, его следует рассматривать как материальное воплощение духовного единства нации и власти. Именно благодаря государству нация (народ) становится исторической личностью и исполняет своё историческое назначение. Поэтому именно в государстве выражаются физиологические и духовные свойства народа. Любой народ, имея свои особенности, данные природой или выработанные историей, привносит их в жизнь государства, наполняя его самобытными чертами. Каждое нравственное государство неизбежно будет иметь свои индивидуальные черты, но обладать и общим качеством: оно будет политическим и правовым гарантом добродетелей.

Список литературы

1. *Аристотель. Политика*: пер. с др.-греч. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.
2. *Бабурин С.Н.* Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 3. – С. 116–130.
3. *Бабурин С.Н.* О социальных ценностях: влияние римского права на российский конституционализм // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 5–14.
4. *Бакунин М.А.* Парижская Коммуна и понятие Государственности // Избранные сочинения. – Петербург; М.: Книгоизд-во «Голос труда», 1920. – Т. IV. – С. 247–266.
5. *Бакунин М.А.* Государственность и анархия // Полное собрание сочинений / под ред. А.И. Бакунина. – СПб.: Изд. И. Балашова [б. г.]. – Т. 2. – 266 с.
6. *Бхактиведанта Свами Прабхупада А.Ч. Шримад Бхагаватам.* Первая песнь «Творение» (главы 1–9): пер. с инд. – [Б. м.]: Бхактиведанта Бук Траст, 1990. – Т. 1.1. – 549 с.
7. *Дезами Т.* Кодекс общности: пер. с фр. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 546 с.
8. *Джамахирийский словарь терминов к «третьей мировой теории»* / под ред. М. аль-Худейри, Ф. Шахнана [и др.]. – [Б. м., б. г.]. – 222 с.
9. *Изложение учения Сен-Симона*: пер. с фр. – М.: Наука, 1961. – 599 с.
10. *Кабэ Э.* Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман: пер. с фр. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Ч. 1. – 648 с.
11. *Каддафи М.* Зелёная книга. – М.: АСТЭС, 2000. – 127 с.
12. *Каутский К.* Томас Мор и его утопия: пер. с нем. – Петроград: Изд-во Петросовета, 1919. – 304 с.
13. *Кропоткин П.* Анархия, её философия, её идеал. Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 864 с.
14. *Лавров П.Л.* Где начало общества? // Собрание сочинений. Статьи научного характера. – Петроград: Изд. т-во «Революционная мысль», 1917. – Вып. II. – С. 75–91.
15. *Лавров П.Л.* Государственный элемент в будущем обществе // Собрание сочинений. Статьи социально-политические / под ред. П. Витязева, А. Гизетти. – Петроград: Изд. т-во «Колос», 1920. – Вып. VII. – 244 с.
16. *Лавров П.Л.* Подготовка царства человека // Собрание сочинений. Статьи научного характера. – Петроград: Изд. т-во «Революционная мысль», 1917. – Вып. II. – С. 130–141.
17. *Малатеста Э.* Избранные сочинения. Крестьянские речи. – Петроград: Книгоизд-во «Голос труда», 1919. – 164 с.
18. *Махно Н.И.* Азбука анархиста. – М.: Вагриус, 2005. – 572 с.
19. *Мор Т.* Утопия: пер. с лат. – М.: Наука, 1978. – 417 с.
20. *Революционная консолидация общества: отказ от государства, вопросы религии, гражданства и политических прав граждан в Конституции РСФСР 1918 года* // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 16–28.
21. *Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад* / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.]. – СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. – 344 с.
22. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Собрание сочинений В.С. Соловьева. – Фототипическое изд. со 2-го изд. – СПб.; Брюссель, 1966. – Т. 8. – С. 3–516.
23. *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. – М.; Калуга: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 2002. – С. 10.
24. *Ткачев П.Н.* Анархия мысли // Кладези мудрости российских философов. – М.: Правда, 1990. – С. 175–195.

25. Толстой Л.Н. Путь жизни. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
26. Фурье Ш. Избранные сочинения: пер. с фр. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. III. – 600 с.
27. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 505 с.

References

1. *Aristotel'*. Politika: per. s dr.-grech. – М.: RIPOL klassik, 2010. – 592 s.
2. *Baburin S.N.* Znachenie Velikoj Iranskoj revolyucii dlya sovremennogo mira: duhovno-cennostnoe izmerenie konstitucionalizma // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. – 2019. – № 3. – S. 116–130.
3. *Baburin S.N.* O social'nyh cennostyah: vliyaniye rimskogo prava na rossijskij konstitucionalizm // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2020. – Т. 17, № 1. – S. 5–14.
4. *Bakunin M.A.* Parizhskaya Kommuna i ponyatiye Gosudarstvennosti // Izbrannyye sochineniya. – Peteburg; М.: Knigoizd-vo «Golos truda», 1920. – Т. IV. – S. 247–266.
5. *Bakunin M.A.* Gosudarstvennost' i anarhiya // Polnoe sobranie sochinenij / pod red. A.I. Bakunina. – SPb.: Izd. I. Balashova [b. g.]. – Т. 2. – 266 s.
6. *Bhaktivedanta Svami Prabhupada A.CH. Shrimad Bhagavatam.* Pervaya pesn' «Tvoreniye» (glavy 1–9): per. s ind. – [B. m.]: Bhaktivedanta Buk Trast, 1990. – Т. 1.1. – 549 s.
7. *Dezami T.* Kodeks obshchnosti: per. s fr. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 546 s.
8. Dzhamahirijskij slovar' terminov k «tret'ej mirovoj teorii» / pod red. M. al'-Hudejri, F. Shahnana [i dr.]. – [B. m., b. g.]. – 222 s.
9. Izlozheniye ucheniya Sen-Simona: per. s fr. – М.: Nauka, 1961. – 599 s.
10. *Kabe E.* Puteshestvie v Ikariyu. Filosofskij i social'nyj roman: per. s fr. – М.; L.: Изд-во АН СССР, 1948. – CH. 1. – 648 s.
11. *Kaddafi M.* Zelyonaya kniga. – М.: ASTES, 2000. – 127 s.
12. *Kautskij K.* Tomas Mor i ego utopiya: per. s nem. – Petrograd: Изд-во Petrosoveta, 1919. – 304 s.
13. *Kropotkin P.* Anarhiya, eyo filosofiya, eyo ideal. Sochineniya. – М.: Изд-во EKSMO-Press, 1999. – 864 s.
14. *Lavrov P.L.* Gde nachalo obshchestva? // Sobranie sochinenij. Stat'i nauchnogo haraktera. – Petrograd: Изд. t-vo «Revolucionnaya mysl'», 1917. – Vyp. II. – S. 75–91.
15. *Lavrov P.L.* Gosudarstvennyj element v budushchem obshchestve // Sobranie sochinenij. Stat'i social'no-politicheskie / pod red. P. Vityazeva, A. Gizetti. – Petrograd: Изд. t-vo «Kolos», 1920. – Vyp. VII. – 244 s.
16. *Lavrov P.L.* Podgotovleniye carstva cheloveka // Sobranie sochinenij. Stat'i nauchnogo haraktera. – Petrograd: Изд. t-vo «Revolucionnaya mysl'», 1917. – Vyp. II. – S. 130–141.
17. *Malatesta E.* Izbrannyye sochineniya. Krest'yanskije rechi. – Petrograd: Knigoizd-vo «Golos truda», 1919. – 164 s.
18. *Mahno N.I.* Azbuka anarhista. – М.: Vagrius, 2005. – 572 s.
19. *Mor T.* Utopiya: per. s lat. – М.: Nauka, 1978. – 417 s.
20. *Revolucionnaya konsolidaciya obshchestva: otkaz ot gosudarstva, voprosy religii, grazhdanstva i politicheskikh prav grazhdan v Konstitucii RSFSR 1918 goda* // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2019. – Т. 16, № 1. – S. 16–28.
21. *Sovremennoye gosudarstvo v epohu global'nyh transformacij: analiticheskij doklad* / I.M. Ragimov, S.N. Baburin, Yu.V. Golik [i dr.]. – SPb.: Yuridicheskij centr-Akademiya, 2019. – 344 c.
22. *Solov'ev V.S.* Opravdaniye dobra. Nравstvennaya filosofiya // Sobranie sochinenij V.S. Solov'eva. – Fototipicheskoe izd. so 2-go izd. – SPb.; Bryussel', 1966. – Т. 8. – S. 3–516.
23. *Tihomirov L.A.* Hristianstvo i politika. – М.; Kaluga: GUP «Oblizdat», TOO «Alir», 2002. – S. 10.
24. *Tkachev P.N.* Anarhiya mysli // Kladezi mudrosti rossijskikh filosofov. – М.: Pravda, 1990. – S. 175–195.
25. *Tolstoj L.N.* Put' zhizni. – М.: Республика, 1993. – 431 s.
26. *Fur'e Sh.* Izbrannyye sochineniya: per. s fr. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. III. – 600 s.
27. *Chicherin B.N.* Obshchee gosudarstvennoe pravo / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. – М.: Zercalo, 2006. – 505 s.